

АЛЕКСАНДР УНТИЛА

Александр Унтила — новое имя в “Нашем современнике”. Спасатель 2-го класса аэромобильного отряда “Центроспас” с 2007 года, он до этого прошел суровую жизненную школу в войсках ВДВ. Награжден медалью “За отвагу”, медалями ордена “За заслуги перед Отечеством” 1-й и 2-й степени, “За воинскую доблесть” 1-й степени и “За разминирование”. Последняя — за личное активное участие в ликвидации обширных минных полей в братской Сербии после окончания там братоубийственной гражданской войны.

За два года и восемь месяцев боев и спецопераций в Чечне подразделение А. Унтила не потеряло ни одного солдата! Однако в расцвете своего воинского таланта он, как и тысячи других кадровых офицеров, выбрасывается из расхристанной Российской армии под предлогом ее дальнейшего “реформирования”. Следует напомнить, что нынешний министр обороны собирался вообще расформировать ВДВ по причине их якобы ненужности...

“Пусть я снял погоны, но до конца жизни я должен блюсти свою честь... Бывших офицеров не бывает, и ты не вправе совершать недостойные для себя поступки” — так сформулирует свое кредо А. Унтила после увольнения в запас. Потом было участие в мирных спецоперациях МЧС, в том числе на Саяно-Шушенской ГЭС, в поисках останков легендарной полярной экспедиции Альбанова на Земле Франца-Иосифа — уже по собственной инициативе группы спасателей. И потянуло солдата к перу. Однажды он признался мне, что “пробует писать”. Я попросил его прислать что-нибудь прочесть. Один из “чеченских” рассказов с доброго согласия редакции я и выношу на суд читателей журнала.

...Открою “тайну” фамилии автора. Он — этнический финн. Его дед попал в советский плен во время “незнаменитой” советско-финской войны, не успел вернуться на родину, обрусел, а уже его сын, отец Александра, стал гражданином России, доблестным офицером-вертолетчиком, отличившимся в небе Афганистана. Сын пошел по стопам отца.

“Моя фамилия не склоняется!” — твердо говорит Александр. Он и сам не склоняется под ударами судьбы.

Михаил ЧВАНОВ

НОГА

РАССКАЗ

Третий сводный отряд специального назначения от 54-го отдельного разведполка ВДВ выходил на боевую задачу. Отряд отвечал за всю горно-лесную часть Веденского района до самой Грузии, и ранней весной 2001 года работы разведчикам хватало. Закопошились зимовавшие в селах под легальными документами боевики, разномастные воины ислама потихонечку поперли со стороны грузинской границы — кто на заранее оборудованные лесные базы, а кто просто — подкалымить, где придется. Набирал обороты очередной сезон затянувшейся войны, которую теперь приказано было именовать контртеррористической операцией. Офицеры в отряде быстро переименовали ее в контрацептическую, давно махнув рукой на стратегические цели и идеи и сведя насущные заботы к минимуму — сберечь солдат и, по возможности, собственное здоровье, без потерь дотянуть до конца очередной командировки.

Без потерь, правда, не обходилось. Мало того, что многодневные сидения в засадах и пешие прогулки по зимним чеченским горам в поисках окопавшегося или выдвигавшегося на очередной промысел “душья” никому не прибавляли жизненного тонуса. Из и без того немногочисленного списка личного состава желтыми зубами выгрызал свою долю гепатит, от дистиллированной воды из горных ручек сыпались зубы. Содержимое сухих пайков, неизвестно по какому принципу, то цементировало наглухо содержимое желудков, то дружно подсаживало бойцов и командиров на жидкую струю. Обморожения, потертости, фурункулы считались личным недосмотром их обладателя, за такую напасть от начмеда можно было получить разве что пинок под зад в плане профилактики на будущее да временный титул дежурного чухана.

23:00, 03 марта 2001. Колонна пошла. Тихо, без света, почти на холостых. Три БТРа с личным составом на броне, “Урал” с боеприпасами и командно-штабная “шишига”¹. Не болтать, не курить, наблюдать во все стороны. Головной БТР ведет колонну на ощупь — ни звезд, ни силуэтов гор на чуть бледном небе. Со всех сторон морозящая снегом непроглядная темень. Раскишавшая ледяной глиной колея осталась слева, движение — по обочинам. На инженерную разведку времени нет, к рассвету надо быть под Элистанжами, ветать, закрепиться, замаскироваться. Первая группа спецназа с ходу выдвигается и садится на засаду, остальные тихо налаживают временный быт передвижного командного пункта — с этой точки 14 дней отряду работать по окрестным горам. Не дай Бог засветиться на марше или при оборудовании временного лагеря — в лучшем случае затаятся, отойдут, и вся работа пойдет прахом. В худшем — понаблюдают, подтянутся и накроют. Хотя и малочисленный, отряд специального назначения — желанная добыча для любого полевого командира, и подставляться никому не хочется.

Две недели при минимуме тепла и пищи. Фонарями не пользоваться, костры не жечь, одежду сушить на себе. Сон — урывками. Две группы на засадах или в разведпоиске, одна в охранении. Позади остался базовый лагерь — более-менее обжитый “Шанхай” с нехитрым уютом, печками, самодельными банями и чахлым, вечно больным электричеством от дизель-генераторов.

УНТИЛА Александр Павлович родился 3 апреля 1979 г. в пос. Южный Багратионовского р-на Калининградской области в семье военнослужащих. В июле 1996 г. поступил в Рязанский военный автомобильный институт, который окончил в июле 2001 г. С августа 2001 г. проходил службу в в/ч 48427 на должностях заместителя командира, командира группы спецназначения, заместителя командира отдельного батальона спецназа. Принимал участие в контртеррористических операциях на территории Северо-Кавказского региона. С апреля 2007 года — спасатель отряда “Центроспас” МЧС России.

¹ “Шишига” — армейский грузовик ГАЗ-66.

02:20, 04 марта 2001. Подморозило, небо очистилось. Глиняная жижа схватилась коркой, хрусталем лопается под скатами крадущихся БТРов, глушит ровный тихий свист турбированных дизелей, демаскирует.

На посветлевшем своде прогнулись ночные светила, обрисовались силуэты гор. Ориентироваться стало легче.

— Омич — Палычу:

— Связь.

— Две тройки.

Палыч — командир механизированной группы и зампотех отряда. Колонну ведет он. Капитан, 24 года, тянет уже третью командировку. У Палыча давно нет имени и фамилии, для офицеров — и воинского звания. По отчеству, ставшему позывным, к нему обращается даже командир отряда — грозный подполковник Шувалов, он же “Омич”.

Опытный, знающий, надежный и невозмутимый офицер, чемпион округа по боксу, внушал благоговейный уважительный ужас солдатам. Палыч мог днем и ночью провести колонну вне дорог в любом направлении. При полном отсутствии запчастей починить БТР. За два месяца из любого сопливого призывника, которого мама перед армией не научила умываться, подготовить хорошего механика-водителя или пулеметчика. Он не орал, не топал ногами, не раздавал зуботычины и практически не наказывал бойцов за их многочисленные “косяки”. Провинившемуся десантнику он смотрел в глаза и бросал одну только фразу, которая надолго делала несчастного посмешищем. Самой большой бедой для солдата было попасть к капитану на профилактическую беседу с глазу на глаз — общался с “преступником” Палыч в этом случае почти на равных, угощал чайком и сигаретами, но даже у самого отчаянного раздолбая в итоге долго шевелились от ужаса пеньки волос на голове, холодный пот тек за шиворот. Воин икал и пускал газы, тряся от стыда и осознания собственной ущербности.

Две тройки — значит, колонна стой. Метрах в сорока по курсу — две пары зеленых угольков. Палыч поднял “Вал”¹, приник к ночному прицелу. Волки. Две матерых тени с горящими светодиодами глаз. Стоят, не уходят, не шевелятся. Капитан чуть повел стволом, потянул спуск. Тихонько чавкнул затвор, между передних лап первого зверя зеленоватым облачком взметнулся фонтанчик мерзлой земли. Второй волчара — видимо, помоложе или самка — резко присел, подогнув хвост между задних ляжек. Вожак невозмутимо потряс передними лапами, досадливо стряхивая стегнувшие по ним льдинки. Звери продолжили путь.

— Омич — Палычу.

— Да.

— Две пятерки.

Колонна пошла.

05:30, 04 марта 2001. Вышли на место. В галогеновом мерцании увязнувших в дымке звезд наметились очертания небольшой поляны с провалами старых капониров под технику. Когда-то, еще в первую кампанию, на этом месте стоял артиллерийский дивизион, стоял основательно и плотно. Вгрызшись в землю, обложившись мешками с песком и окутавшись паутиной колючей проволоки, дивизион контролировал гаубичным огнем добрую треть Веденского района. Поляна чуть возвышалась над рельефом, была замаскирована подлеском, имела хороший обзор.

Приступили к работе саперы, проверяя место будущей стоянки. Солдаты поминутно останавливались, присаживались, поднимая левую руку, и осторожно ковыряли поляну щупами и пехотными лопатками.

06:30, 04 марта 2001. Омич собрал командиров. Вытирая пот, подошел Странник. Над командиром саперов колыхался светящийся воздух, от БЗК² шел пар.

— Долго еще?

¹ “Вал” — специальный автомат бесшумной и беспламенной стрельбы.

² БЗК — боезащитный комплект.

— Звенит все, товарищ подполковник. Банки, гильзы, колючка ржавая... Если все копать — часа два как минимум.

Шувалов на секунду задумался, потер кирпичный подбородок.

— Так, хорош, не успеваем. Пальч, распредели технику по капонирам и загоняй. Грач, готовь группу на засаду. Татарин, с тебя охранение. Ставь аккуратно, в кусты пусть не лезут. Странник, как рассветет, вокруг лагеря проверишь, могли растяжек понаставить.

В самый глубокий капонир Пальч загнал “Урал” с боеприпасами. Подошел к Страннику:

— Николаич, капониры проверял?

— Не все успел, Пальч. Там все звенит, мусора укопали кучу.

— Эх...

На рассвете Странник снял в кустах вокруг лагеря четыре растяжки. Гранаты были относительно свежие, не проржавевшие. Свежими были и накопанные гильзы и банки, как будто специально принесенные и насыпанные вокруг да около для усложнения работы саперов. Сомнения, возникшие накануне, заворочались, как упитанные ежи в корзине, укололи душу.

— Местечко-то наше засвеченное, Странник.

— Да я уж понял... — сапер досадливо сплюнул. — Ждали нас тут, или предусмотрительные очень. Странно, что на въезде фугасик не поставили. Видимо, очень хотели, чтобы мы въехали.

— Что командир?

— Согласен. Думает, спалили нас. Скорее всего, у “душья” за такими местами постоянное наблюдение. Какой-нибудь бача раз в два-три дня делает обход, смотрит, не ведут ли свежие следы к местам старых стоянок.

— Думаешь, подтянутся? — Пальч щелчком стряхнул с плеча снежинку.

— А хрен их знает. Могут. Может, из минометов постреляют...

Шувалов принял единственно возможное в сложившейся ситуации решение — доложил в Ханкалу о случившемся, отправил все три группы на засады, на пути возможного подхода боевиков. В лагере оставили броню и минимум личного состава. Организовали круговую оборону, наблюдение за дорогами. На случай возможного обстрела из минометов или эрэсами¹ решено было восстановить старый блиндаж. Им занялись саперы. Расчистив вход, Странник послал бойца на разведку. Воин сунул в жерло укрытия миноискатель, и тот сразу истошно завопил зуммером. Осторожно потыкали щупом. В блиндаже было по щиколотку воды, схваченной ледяной коркой, из которой, как остовы затонувших кораблей, торчали пустые цинки из-под патронов. Посветили фонариком на сочащиеся влагой стены, под покрытый сосульками и мерзлыми поганками бревенчатый потолок... Есть. Еле заметная проволочка, на уровне глаз. Грамотно, ничего не скажешь. Заходя в незнакомое помещение, человек обычно светит по сторонам и себе под ноги, не замечая того, что находится перед его носом. Снимать растяжку пока не стали — кто его знает, сколько раз и где этот фугас продублирован. Рассеялись последние сомнения. “Духи” упорно ждали, когда кто-нибудь встанет на это место, ждали и готовились.

Омич приказал в случае обстрела прятаться в БТРах и сразу же выводить машины с площадки, и теперь сидел над картой, грыз карандаш и ломал голову, куда увести отряд. Двигать в базовый лагерь тем же путем было опасно, просить пехоту выставить блоки — окончательно запороть всю операцию.

Тянулся пасмурный день. Группы мерзли на засадах, потихоньку жевали галеты и холодную тушенку. Редкие снежинки кружили белыми мухами, ныряли в сыблую грязь.

16:46, 04 марта 2001.

— Омич — Татарину. Три двойки, по руслу. Вижу восемь. Вижу десять... двенадцать...

“Духи” шли по руслу. Шувалов быстро прикинул расклад. Нормально. Направление подхода угадано, мины выставлены, группа успела окопаться.

¹ Неуправляемыми реактивными снарядами.

Грач чуть сместился, отрезая боевикам пути возможного отхода. Отряд был небольшой, двенадцать “чехов”, вооружение стрелковое, два пулемета, гранатомет — наверняка разведка. Шли грамотно, головкой, боковые дозоры и тыл, но уж больно торопливо — видимо, не терпелось засветло выйти к лагерю и организовать наблюдение. Здоровенькие, упакованные, видно, что не первый год воюют, а вот дисциплина в подразделении хромает, идут вроде осторожно, а веточками похрустывают, стволами кусты цепляют, еще и ругаться умудряются полупшепотом.

Головной дозор сняли в два ВССа¹ и сразу растащили по кустам, забрав радиостанцию. Руслу ручья в этом месте делало небольшой изгиб, остальные “бородатые” держали дистанцию метров в сорок. На “духовский” запрос по станции ответили двумя щелчками тангенты — заблаговременно подслушанный условный сигнал. Главные силы противника двинулись дальше, дошли до поворота. Татарин произвел подрыв установленных мин. Четыре ОЗМки² разом грохнули, разметав клочья по деревьям. Боковые дозоры и тыл боевиков тут же залегли, открыв стрельбу во все стороны, но группа Татарина вжалась в открытые окопчики, слилась с мерзлым мхом, отмолчалась. Не получив ответа, “духи” успокоились. Решив, что заминированное русло никем не прикрывалось, повыглядывали из укрытий, закаркали гортанными голосами. Наконец, двое полезли в ручей, осмотрели тела подорвавшихся, собрали оружие и закарабкались вверх по склону. Тихо всхлипнули бесшумные винтовки, два трупа, бряцая оружием, покатались на дно. Немногочисленные остатки банды, уже не прячась, ломанулись назад по руслу, прямо на пулеметы Грача. Тут уже деликатничать не стали, бойцы прилежно поработали по коробу.

Шувалов был доволен. Минусы обернулись плюсами, среди разведчиков раненых и убитых нет, результат впечатляет. Шуму, конечно, наделали, но тут уж не до жиру. Забито двенадцать “бородатых”, если их основные силы где-то на подходе — вряд ли сунутся, услышав звуки боя и потеряв со своими связь. Трофейная станция пару раз что-то обеспокоенно спросила на чеченском и замолкла — “духи” ушли на другую частоту. Сейчас ноги в руки и сваливать отсюда. Жаль, погода хреновая, вызвать бы вертолеты, может, получилось бы засечь остальных и грамотно навести артиллерию... Надо спешить. Пока светло, есть шанс проскочить.

18:00, 04 марта 2001.

— Пальч — Омичу.

— Связь.

— Все, отход, “ленту” на дорогу.

БТРы и “шишига” выползли на дорогу, построились в походный порядок. Наводчики хищно поводили жалами пулеметных стволов, обшаривая в прицелы стремительно темнеющие склоны. Грузеный “Урал” беспомощно елозил в своем укрытии — за день жирная глина подраскисла, солидолом забила протекторы колес. Из леса потянулись разведчики — пыхтящие, нагруженные трофейным оружием и снаряжением. Развернули охранение, полезли на броню. Водитель “Урала” — бритоголовый, с оттопыренными ушами боец по фамилии Клюков, смешно пучил глаза и вытягивал шею, отчаянно газовал.

Пальч подошел к “Уралу”, глянул в капонир, открыл дверь в кабину.

— Слушай сюда, Клюква. Я тебя сейчас бэтэром зацеплю; как трос натянется, дашь на первой полный газ, как вылезешь — сразу нейтралку и по тормозам. Понял?

— Так точно...

— Давай...

Пальч выдернул из колонны замыкающий БТР, подогнал задом, завел буксирный трос. Отошел метров на двадцать — не дай Бог лопнет — срежет, как бритвой. Махнул механику. БТР пыхнул соляжкой, потянул, Клюков дал газу, “Урал”, поднимая фонтаны жидкой грязи, полез из своей ловушки...

¹ ВСС — винтовка снайперская специальная.

² ОЗМки — осколочные заградительные мины.

18:10, 04 марта 2001. Земля встала вертикально и с размаху ударила Палыча по затылку. Пропали звуки, смазалась картинка. Капитан попытался вдохнуть — не смог. Подвигал челюстью, выплюнул что-то соленое, дунул в нос, прочищая ходы. Поморгал глазами. Прямо по курсу было пасмурное небо, под ногами пустота. Наконец до него дошло, что он лежит на спине, впечатавшись в огромную лужу, ледяные струйки уже весело текут за шиворот, холодят гудящий затылок. Сразу встать не получилось, Палыч перевернулся на живот, встал на карачки, утопив в жиже ладони. Закашлялся, выхаркивая из легких комья глины. Все действия казались невообразимо затянутыми, как при замедленной киносъемке.

Так, “Урал”... Где он? Поднялся, помотал головой...

Грузовик скатился назад, в капонир, кабина была разворочена, левое переднее колесо залетело в кусты.

На выезде из укрытия чернела воронка, над которой все еще висело в воздухе сизое облако, напоминающее небольшой ядерный гриб. Возвращающееся обоняние резал вонью солярки и тротиловой гари.

“Оружие!” — обожгла мысль. Палыч поискал вокруг себя. Автомат оказался в руках, только держал его капитан как будто двумя кусками дерева. Забросил оружие за спину и, шатаясь и потирая отсушенные ладони, победил к “Уралу”.

Грузовик наклонился на левый бесколесный бок, крыша вздыблена, искореженную дверь заклинило. Срывая ногти, потратив бесконечные секунды, удалось ее открыть. Палыч встал на подножку, хрустнул стеклянным крошевом. “Урал” накренился еще, застонал рваным железом. Вот он, Клюков, как обычно, выпучил свои глаза, затянутые красной сеткой полопавшихся сосудов, пялится с ужасом и непониманием.

Секунда на оценку обстановки. Боец зажат между сиденьем и рулем в районе таза, голову держит, значит, шея не сломана. Странно, потолок кабины над его головой вмят, явно здорово припечатался. Правая рука сломана и неестественно вывернута, ниже локтя вообще сплошное месиво, а дальше... Дальше. Левую ногу не видно, теряется где-то под остатками приборной доски. Пах разворочен, лоскутья и клочья ваты — остатки штанов — густо пропитаны кровью. Правая нога... Правая разбита в районе бедра, явно разорвана артерия — кровь хльщется пульсирующими толчками, скатывается ргунными шариками по снежно-белому обломку бедренной кости.

Клюков пялится необыкновенно осмысленным взглядом, но явно не понимая, что с ним произошло и что ему делать — боли он, по всей видимости, еще не чувствовал из-за шока. Палыч глянул на него построже, тихо сказал:

— Рот закрой, воин. Нормально все.

Боец немедленно захлопнул отвисшую челюсть, длинно, со свистом выдохнул, пустив из угла рта кровавые пузыри, и вдруг обмяк, мешком сполз на сиденье.

Все. Надо вытаскивать его отсюда. Палыч обернулся, хрипло проорал через плечо: “Жгуты и промедол!”

Правая нога солдата оказалась обмотанной вокруг рычага переключения передач, держалась на лоскуте кожи и лохмотьях ватных штанов. Недолго думая, Палыч вытащил нож и обрезал все это. Дернув вниз остатки штанины, проткнул ее сбоку лезвием, пару раз крутанул, затягивая импровизированный жгут. Водительское сиденье со своих креплений было сорвано. Капитан вышиб его пинком вглубь салона, потянул молчавшего Клюкова на себя. Левая нога выскользнула из своего плена, изгибаясь в тех местах, где ей совсем не положено. Все ясно, тоже раздроблена. Пачкаясь в липкой крови, подхватил бойца под тощий зад, передал кому-то в подставленные руки.

Стали подходить разведчики, прибежали командиры групп. Доставали промедол, потрошили свои индивидуальные перевязочные пакеты. Кто-то не сдержался, запричитал:

— Ой, бя...

— Ой, ё...

Клюков задышал, оглянулся безумными глазами и заскулил.

— Тихо все! На хрен ушли отсюда! — Пальч поймал взглядом вытаращенные глаза первого попавшегося разведчика. Тихо и внушительно сказал: — Сейчас жутки нагоните, он запаникует и умрет. Все нормально, всем улыбаться, ясно? И вообще, дуйте по своим местам, не дай Бог, обстрел начнется.

Подошел Омич, разогнал разведчиков.

— Ты как сам-то, Пальч?

— Нормально...

Капитан дошел до БТРа, постучал в броню прикладом.

— Тимоха, цел?

— Так точно...

— Воды умыться дай... И бушлат чистый.

Пока механик возился внутри машины, Пальч повернул на себя зеркало заднего вида, глянул... Да уж, ну и рожа. Весь в крови и глине, на черта похож. Скинул бронежилет, бушлат, ставший комком сырого теста. С пятилитровой пластиковой баклажкой подскочил Тимоха.

— Вот, товарищ капитан... Из силового, теплая...

— Полей...

Пальч умылся, стуча зубами, теплой водой, натянул чистый бушлат и пошел помогать доктору.

Клюков, обколотый лошадиной дозой промедола, наконец, потерял сознание. Доктор уже навертел из бинтов целый футбольный мяч и затолкал его солдату в пах, наложил нормальный жгут на оторванную ногу и теперь накладывал шины на переломанные конечности.

— Как он, Док? — мысли тяжело ворочались в гудящей голове, заплетаемая язык.

— Хреново... Крови потерял много, если внутренние повреждения есть — вряд ли довезем. Омич вертолет пошел вызывать... тут, в общем, так целый набор, еще и нога...

“Нога!” — мысль молнией мелькнула в разжиженном контузией мозгу.

— Тимоха!

Примчался механ, вылутился на распростертого Клюкова, отвалил челюсть и завис. Пальч вывел его из ступора подзатыльником, отвел в сторону.

— Тимоха, лезь в “Урал”. Там осталась нога Клюкова, возьми ее, ботинки и штанину снимешь, нарешь чистого снега — вот с этой горки, дальше не лезь. У тебя две РПГ лежат в десанте, снимешь с них целлофан. В один замотаешь ногу, вложишь в другой, а промежуток забьешь снегом. Если летчики быстро прилетят, может, еще и пришьют. Понял?

Тимченко умчался, Пальч, преодолевая тошноту и мотая головой, помог Доку. Начмед что-то плел, но пчелы, свившие улей в черепной коробке и отчаянно гудевшие, мешали его слушать.

— Слушай, Док, сустав у него цел тазобедренный?

— Да вроде...

— А яйца?

— Там все всямку, Пальч. Мягкие ткани все в лоскуты. Как он жив-то еще, не пойму. Я вот помню...

— Слышь, Димон, а ногу ему можно пришить? Я сказал, чтобы ее в снег замотали. Ну, я читал где-то, что так можно сохранить оторванную часть...

— Не знаю... вряд ли. Судя по всему, ему с бедра вынесло кусок, я из-под бушлата две горсти обломков выгреб... Хотя можно вставить штырь металлический, а кожу и мышцы со спины вырезать... Ты сам-то как? Ого, у тебя кровь из уха... — Доктор опять затрепал языком, видно ему необходимо было говорить, чтобы отвлечь себя от страшной работы.

Опять заморосило. Клюкова бережно перетащили в БТР, накрыли одеялами. Док с трудом нашел у бойца вену, воткнул иглу, подвесил под броневой потолок какой-то пакет.

Снаружи забарабанили:

— Пальч!

У БТРа стоял Омич.

— Как боец?

— Жив пока...

— Я с Ханкалой связался. Двигаться нам нельзя, и вертушка придет только утром. Темно уже и погоды нет... — комбат выругался. — Расставь бэтэры по периметру охранения и иди к бойцу. Продержи мне его до рассвета, слышишь, Палыч? Тебя солдаты слушаются, вот и прикажи ему, чтобы не умирал...

— До рассвета... Ногу не пришьют, поздно будет.

— Какую ногу? — не понял Шувалов. Палыч рассказал ему про ногу.

— Ничё... Снег чаще меняйте. Бывают исключения, — обнадеежил комбат и, развернувшись, ушел в темноту.

23:05, 04 марта 2001. Палыч полез в десант. Клюков очухался, застонал, разлепил глаза.

— Товарищ капитан... Товарищи капитаны... где я?

— В БТРе ты, Клюков. Спи давай, чего проснулся?

— Я подорвался, да?

— С чего ты взял...

Клюков с трудом сглотнул, хотел кашлянуть, но не смог.

— Я знаю, подорвался... Сильно?

— Зацепило маленько... Меня самого тряхнуло, голова гудит. Жить будешь. Не истери мне тут!

— Не, я нормально... Я только вот одного не пойму, товарищ капитан...

Клюков зажмурился, из глаз ручьями потекли слезы — промедол отпускает, догадался Палыч.

— Почему я, товарищ капитан? Ну почему я? Столько народу, командировка, считай, к концу подходит, и все целы, почему я-то?

Губы водителя задрожали, в глазах вспыхнуло отчаянье, всё, сейчас сорвется, понял Палыч. Ему жалко, невообразимо жалко было Клюкова, но он понимал: пожалей сейчас бойца — и тот зарыдает, забьется, замечется, выдерет сломанными руками капельницу, разорвет бинты. Надпочечники выплеснут в кровеносное русло адреналин, повысится давление, сердце закачает-погонит и без того скудные остатки крови из сочащихся ран. Жалость поставит их на один уровень, а Клюкову сейчас нужен командир. Он должен чувствовать рядом силу, бояться и слушаться ее, не позволять себе расслабиться. Палыч поймал мутный взгляд Клюкова, спокойно и зло сказал:

— Ты охренел, мартышка? Ты что, хотел, чтобы Тимоха подорвался или я? Тебе легче было бы, воин?

— Да нет, я не в том...

— Вот и помалкивай лежи, силы береги. И вообще ты у нас везунчик, лежишь тут живой, болтаешь всякую хренотень. Починят — плясать будешь. Нам еще два месяца корячиться, а ты сейчас домой улетишь, к подружке, она тебе, герою, плюшки будет в госпиталь таскать...

— Подруга... — Клюков выдулил глаза. — Товарищ капитан, а у меня... ТАМ... цело все?

— Ясен пень, — соврал Палыч, поняв, что с подружкой допустил осечку. — Ты вон на доктора так возбудился, что ему пришлось твое полено к ноге примотать. Ты, может, у нас нетрадиционный, а, солдат?

Клюков попытался улыбнуться, его перекосило.

— Тебе больно, воин? — встрял доктор. Палыч зыркнул на него, сильно пихнул локтем в бок. Не хватало еще, чтоб солдат сконцентрировался на своих ощущениях.

— Больно...

— Док, на хрена ты спросил? — зашипел Палыч. — Коли теперь промедол.

— Нельзя, и так уже шесть тюбиков.

— Ну, а на хрена спросил тогда? Клюков, ты терпи, понял? Сейчас вертолет придет — и все, конец. Госпиталь, белые простыни, медсестры... Терпи, родной... Терпи, с-сука!!!

Боец заметался, пошел испариной. Впал в забытие, заскулил. Вкололи еще промедол. На возражения доктора Палыч резонно заметил, что допустимые дозы рассчитаны с большой перестраховкой, а если боец помрет от боли, то доктор ляжет рядом с ним.

05:30, 05 марта 2001. Клюков то терял сознание, то просыпался, бредил и стонал. Пальч то материл его последними словами, то успокаивал, смачивал распухшие горячие губы водой и чаем, выдавливал их по капле из ватного тампона солдату в рот. Он рассказывал ему байки и анекдоты, заставлял слушать, смеяться и смотреть в глаза. То называл Клюкова братом, то уродом маминым, плаксивой телкой, макакой и позором ВДВ... Заставлял рассказывать про свою деревню, читать стихи, исполнять Гимн России... Пальч тянул его на тросах нервов, на канатах сухожилий, усилием воли выдирая и сплетая их из собственной плоти, физически ощущая, как звенят они от натуги, дрожат перетянутыми струнами, удерживая ускользящее сознание солдата, как потрескивают, рвутся, кучерявятся кольцами их отдельные пряди.

Тросы жгли руки, резали ладони, капитан наматывал их на локти и тянул, так сжимая челюсти от напруги, что скулы, казалось, вот-вот прорежут кожу, раскрошатся зубы, лопнут мелкие сосуды и вены на руках.

Клюков жил, держался, цеплялся за капитана. Он боялся умереть, зная, что нарушит его, командира, волю, и Пальч будет недоволен им, может, даже назовет солдатом-обезьяной. В его обескровленном, изломанном теле теплился уголек духа и твердая вера в командирское слово. Если Пальч сказал, что Клюков выживет, значит, так оно и будет. Не может не быть.

Дважды заглядывал Омич. Приходил Странник, рассказал про фугас. Безоболочечный, замыкатель был прикопан и засыпан гильзами сантиметров на семь. Когда загоняли “Урал”, земля была подмерзшая — он и не сработал, а за день подтаяло... Да Клюков еще, как назло, буксанул, колесами сверху поелозил. Источник питания — японский аккумулятор большой емкости, вынесен далеко в сторону, закопан на метр и утеплен. У фугаса была и вторая часть, гораздо более мощная, и рвануть она должна была прямо под кузовом груженого боеприпасами “Урала”. Части устройства соединял детонирующий шнур, но он почему-то не сработал.

06:30, 05 марта 2001. Забрезжил рассвет. Клюков уже ничего не соображал. Он осунулся, посинел, ничего не говорил и не слышал, только чуть шевелил побелевшими губами. Пальч уже просто сжимал его единственную целую руку, пытаясь через кожу перекачать из себя частичку жизни в тряпичное тело солдата. Усилием воли подгонял неторопливые секунды.

Пришел вертолет, грузно коснулся колесами поляны. Поднял ледяную пыль, змеями погнал по земле оранжевый дым пирофакелов, обозначавших место посадки. Два “крокодила”¹ сопровождения кружили в воздухе. Клюкова погрузили, за него тут же взялись ханкалинские врачи — воткнули плазму, надели маску, еще что-то...

Пальч шел от вертолета к БТРу. Поднял глаза, увидел, что навстречу ему, скользя по грязи, бежит Тимоха, прижимая к груди пакет.

— Товарищ капитан, нога, ногу забыли!

Ё-моё... Пальч вырвал у солдата пакет, бросился к вертолету. Грузная “Восьмерка”² уже закрыла боковую дверь, готовясь к взлету.

— Стойте, стойте, черти! — кричал капитан. — Ногу заберите!

Дважды его сбивало воздушным потоком, Пальч падал и снова бежал. Наконец вертолет оторвался и, заложив с места крутой вираж, полез в светлеющее небо.

07:05, 05 марта 2001 г. Пальч сидел, прислонившись к колесу БТРа, злые слезы текли по лицу. Дикое напряжение прошедших суток отпускало, выходило нервной электрической дрожью. Капитан вдруг обозлился на себя, встал, размазал копоть рукавом. Подошел доктор, принес в железной кружке граммов сто спирта. Пальч молча проглотил, запивать не стал.

— Доктор, а ногу-то не забрали. Не успел я отдать. Теперь всё, не сохраним? Может, с колонной центроподвоза отправить?

— Не, Пальч, теперь всё. И так-то шансов мало было.

— Эх, баран я, надо было ее сразу у Тимохи забрать!

¹ Боевой вертолет МИ-24.

² Транспортный боевой вертолет МИ-8.

— Разверни, давай хоть посмотрим состояние, — предложил Док.

Разрезали верхний пакет, вытряхнули снег. Внутренний пакет оказался неестественно маленьким и мягким. Развернули, высыпали... Кусок ступни с пальцами, пятка, куча разрозненных лоскутов плоти и отломков кости, сальный большой величиной с ладонь.

— Тимоха! Что это за хреновина, воин!

— Нога, товарищ капитан... — Испуганный Тимоха таращил из лока заспанные глаза, — я в “Урале” окошки позавешивал и всю ночь собирал с фонариком. Все собрал, до последней крошки... Не пришьют?

Пальч молча сгреб ногу обратно в пакет, бережно положил в БТР.

— Нормально все. Заводи давай и вставай в замыкание. Мабута¹ уже до нас блоки выставила, двинемся сейчас.

07:45, 05 марта 2001.

Пальч — Омичу.

— Связь.

— Готов?

— Да.

— Три пятерки.

— Понял.

Колонна пошла...

ЭПИЛОГ

Клюков выжил. Из Ханкалы его перевели в Ростов, потом в Москву, в госпиталь Бурденко. Солдату пришлось, помимо оторванной правой ноги, ампутировать левую ниже колена и правую руку выше локтя. Заштопали легкое, удалили селезенку и еще Бог знает сколько всего. Клюков на удивление стойко переносил тяжелейшие операции, держался и даже пытался шутить. Когда же его, наконец, перевели в палату и разрешили посещение родным, боец сломался под их сочувственными взглядами и похоронным нытьем. Он причитал и капризничал, как маленький, размазывал по лицу слюны и слезы, ревел сутки напролет. Бился в истерике, отталкивал посуду и ничего не ел. После дикой дозы успокоительного впадал в жар, липкий бред, все стонал, грозил какому-то Пальчу, обещал найти его и убить за то, что не дал ему, Клюкову, умереть, заставил жить обрубленным кастратом с привязанной до конца дней к культе бутылочкой...

Как-то, месяца через полтора, уставшая, перепуганная мать бочком протиснулась в палату. Клюков лежал и, безучастно уставившись в потолок, изучал трещины в побелке.

— Опять ничего не ел... Осунулся-то как, сынок, кожа да кости, прям светишься весь. Тебя лекарствами пичкают, кушать надо...

За окном шумела буйная молодая листва, верещали птахи. Четвертый этаж. Сегодня ночью он сделает это, лишь бы окно не закрыли. Любой ценой, на руке и зубах, пролезет через дужку кровати на подоконник, совершит свой последний в жизни прыжок. Не крайний, как говорят в ВДВ, а именно последний.

— Письмо тебе, сынок... Из части, что ли. Москва-400, капитану Путилову. Прочитать тебе?

Клюков заморгал, оторвал глаза от гипнотической трещины в потолке.

— Дай сюда... Сам я.

С трудом разорвал конверт, вытащил исписанный с одной стороны листок.

Солдат читал письмо и менялся на глазах. Обрисовались скулы, появился блеск в глазах. Он живо пробежал глазами строчки, уже не в первый раз перечитывая написанное. Наконец опустил листок на грудь, вытянулся, подобрался. Казалось, он сейчас стоит в строю — только почему-то лежа. В глазах — деловая озабоченность, на впалых щеках — впервые румянец.

¹ “Мабута” — общее название, придуманное десантниками для подразделений, не относящихся к ВДВ, то ироничное, а то и презрительное.

Вошла старая докторша, осеклась на полуслове, оторопело уставилась на пациента.

Клюков расправил на груди тельняшку, перевел на мать повеселевший взгляд.

— Мам, принеси воды теплой, бритву, щетку зубную. Я тебе сейчас адресок черкану, сходишь в Союз ветеранов. Скажешь, капитана Путилова солдат, пусть помогут, чем смогут. И книжек принеси — в институт восстанавливаться надо. Скоро командир придет...

Будем жить!

P. S. Как мать ни просила, письма ей Клюков так и не показал. Сын часто его перечитывал и хранил как величайшую драгоценность. Она ревновала и не могла понять — какие такие неведомые слова смог найти командир, и почему их не подсказало ей материнское сердце. Матери однажды удалось случайно разглядеть только первую строчку. Письмо начиналось словами:

“Клюков, обезьяна...”